

Арсений Ващенко
Александр Кашкаров

БОМ БУЛИНАТ
ИНДИЙСКИЕ ДНЕВНИКИ

Paulsen

Мы сидели на диване клуба «Дача», когда это заведение еще было клубом, и, чтобы попасть туда, надо было придумать пару хороших знакомых и иметь визитную карточку. Совсем недавно кончились новогодние праздники, и все страдали похмельем. Мы – это Кашкет, Арсений и Митяй.

Митяй – наш приятель с копной спутанных волос на голове. Три года назад он заработал прозвище «Бомж», за очень длительное и трепетное ухаживание за своей будущей женой, когда дневал и ночевал возле ее подъезда.

Кашкет – роста среднего, предпочитает короткую стрижку и частенько отпускает бороду, становясь похожим на араба-террориста, как только борода становится длиннее волос на голове. В лице его и впрямь есть нечто восточное, большие глаза и губы выдают в нем добрый нрав. Спокойный, невозмутимый характер, крепкое

телосложение, открытый взгляд и уверенная манера говорить сразу располагают к доверию.

Во времена нашей юности Кашкету доверяли все родители. Если я шел гулять в компании Кашкета, мама никогда не волновалась. На любую юношескую авантюру родители смотрели благосклонно только в том случае, если не обходилось без участия Кашкета.

Его рассудительная манера говорить вызывает в слушателе желание верить всему сказанному, а интонация не оставляет сомнений в том, что Кашкет безоговорочно прав. Самоуверенности и уверенности в себе ему не занимать. Пользуясь этим, Кашкет может порой сморозить какую-нибудь нелепость с видом знатока, и все доверчиво кивают головами, загипнотизированные логической последовательностью повествования. Нередко в такие моменты я тоже делаю вид, что соглашаюсь, так как если уличить Кашкета во лжи, то разгорится неминуемый спор. Кашкет всегда прав, и его правда не подлежит сомнению. В древней Греции он был бы состоятельным гражданином, упражняясь в софистике и риторике.

Великими его достоинствами являются добрый нрав, спокойствие и умение хранить молчание, когда это особенно кстати. Не помню ни одного случая, чтобы я с ним поссорился, мы всегда находим компромисс, в чем, впрочем, есть и моя заслуга. Небывалая уверенность в себе и своих силах прочно держит его на ногах. Он никогда не поддается панике, волнению, суете и речеобилию.

Подобно мудрецу, Кашкет на все взирает со спокойствием и улыбкой. Это распространяется и на чувства.

Кашкета не увидеть замеревшим перед небывалым пейзажем или бурно реагирующим на чудеса природы. Какой бы силы ни была радость – она никогда не выливается через край, а тихо булькает на дне его души. Единственное, что заставляет вскипать его кровь – это алкоголь и женщины в одном флаконе. Такая «бесчувственность» моего друга отражается и на его отношении к здоровью. Кашкет никогда не болеет, а если уж заболит, то не признается в этом даже самому себе. Ну, а коли уж случается подняться температуре, он отвергает любые лекарства и просит купить побольше сигарет и бутылку рома.

Еще в школьные времена Кашкета привлек образ Брюса Виллиса и, стараясь во всем походить на своего героя, он некоторое время успешно воплощал его в жизнь. Минимум удобств, трехдневная щетина, волевой, сосредоточенный взгляд, синдром похмелья, пачка «Lucky strike» в кармане и сигарета натошак стали правилами, а вскоре утвердились в привычку. Кое-что навсегда впиталось в его характер и уже не принадлежало одному Брюсу, а стало неотъемлемой частью моего друга.

Кашкет без сигареты – все равно, что пляж без моря! Дома Кашкет чаще всего возлежит, согнув одну ногу, на своем спартанском диванчике с книгой в руках и сигаретой в зубах. На тумбочке у изголовья – несколько пустых пачек, пепельница, зажигалка, стопка самых разнообразных книг и мобильный телефон с оглушительным звонком, напоминающим трель дискового аппарата.

– Сигареты купил?

– Держи.

– Привет!

– Салют!

С этого начинаются почти все наши встречи, или:

– Привет!

– Салют! Послушай...

– Сейчас погоди, сигареты возьму, – говорит Кашкет, направляясь к вешалке.

Кашкет – надежный человек, на него всегда можно рассчитывать. Но на что я, бывает, злюсь, так это на его вселенскую лень, может, отчасти потому, что тут мы похожи, и нередко вступаем прямо-таки в состязание, кто кого перелентяйничает. Кашкет по большей части побеждает.

Мой друг может провести несколько дней прикованным к кровати с книгой в руке и в блаженной дреме, без еды и воды, но не без сигарет. Однажды в деревне Кашкет пролежал неделю, пока не прочел все что имелось от корки до корки и не выкурил все до тла. После этого он как ни в чем не бывало вскочил с постели и пешком отправился в магазин за пять километров купить сигарет.

Правда, надо отдать ему должное – уж если он поднялся и взялся за дело, то доводит все до конца.

Кашкет наделен тонким чувством юмора, самообладанием и он всеяден – в общем, всем тем, что нужно для хорошего друга и прекрасного попутчика.

Арсений. Не так просто двумя словами описать Арсения – и его внешность, и характер заставляют задуматься. Мне он чем-то напоминает Артюра Рембо, после того, как тот вернулся из Африки. Со светлыми редкими волосами, греческим профилем, он бы неплохо смотрелся в напудренном парике с длинными локонами в эпоху Людовика XIV. Ему также подошел бы Париж начала прошлого века, Арсений жил бы на бульваре Монпарнас, сидел бы в кафе, попивая абсент, закутанный в длинный шарф ядовитого цвета. Есть еще в нем «барчуковость» – эдакая врожденная ленивость избалованного молодца.

Для такого человека жизнь в нынешней Москве невозможна. Но этого не видно с первого взгляда – с друзьями, в больших компаниях и обычных пьянках он весел, говорлив, и может искренне и увлеченно болтать о всякой ерунде, заболтать какую-нибудь барышню, увести ее в элитный клуб, натрескаться там чем ни попадя, а на утро мучиться совестью и испытывать нечто вроде душевного похмелья, и позже, целую неделю также искренне раскаиваться в содеянном.

Арсений пессимист, романтик и идеалист, он во всем ищет подвох и обычно его находит. У него доброе сердце, душа не знает покоя, а вот мозг ему, судя по постоянным мигреням, просто ни к чему.

Арсений очень трепетно относится к своему здоровью. Утро его невозможно представить без геркулесовой каши или перепелиных яиц, еще он делает зарядку по утрам и прочие упражнения для повышения тонуса, правда,

обычно это каким-то невероятным образом сочетается с алкогольными возлияниями на традиционных пятничных, субботних и воскресных вечеринках.

– Как ты можешь это есть, Кашкет?! – возмущенно восклицает Арсений, указывая на жареную курицу. – Это же сплошной холестерин и канцерогены!

– Некоторым это полезно!

– Побереги свое здоровье! И сходи на обследование!

Прием у врача – это единственное исключение, когда мой друг не опаздывает. Во всех остальных случаях он умудряется опаздывать минут на двадцать, тридцать, деля вид, что сам не понимает, как такое могло случиться, хотя на самом деле причины банальны – не успел доесть геркулес с йогуртом.

– Ты когда-нибудь и на свои похороны опоздаешь!

– Типун тебе на язык! Да, позвонили с работы, потом надо было к сестре забежать, ну а там... сам же знаешь – Москва! – трагически произносит Арсений. Это типичная отговорка.

Одно я знаю наверняка – он хороший друг, который всегда опаздывает.

* * *

На нашем месте мог бы быть кто угодно – обычные люди двадцати пяти лет отроду, имеющие работу, досуг, депрессии, не знающие, что делать в ближайшем будущем, ищущие относительную свободу там, где обычно

находят лишь заблуждения, страдающие «от нечего делать», жаждущие того, чего сами не ведают. Но сидели на удобном диване именно мы...

– Эх, скучно! Надоело все – чесать «бобиком» в офис, ждать выходных и ходить по клубам, мучиться похмельем по воскресеньям, и все это с календарной точностью! – провозгласил Арсений.

– Я себе специально работу выбирал, чтоб каждую неделю в командировки – самолет, поезд, проводник – куда-нибудь в чужой город... – меланхолично поддержал Кашкет. – И хоть бы что! Так же скучно.

– Чего мучиться? – воскликнул Митяй. – Езжайте куда-нибудь подальше, да на подольше!

– Ну да, и все бросить? – засомневался Арсений. – И где денег набрать?

– Перемещение не поможет – проверено! – убежденно сказал Кашкет. – Надо себя менять, а себя не бросишь!

Митяй хитро прищурился, философски подпер свою косматую голову рукой и назидательным тоном произнес:

– Прописная истина, старик, но путешествие обновляет и позволяет оторваться от поглотившей тебя обыденности, и взглянуть на все по-новому, в том числе и на себя самого.

Официантка принесла текилы, поставила каждому по рюмке и удалилась обслуживать двух англичан, которые все это время сражались в бильярд за нашими спинами и громко обзывали друг друга нецензурными английскими выражениями. Арсений проводил взглядом официантку,

взглянул на бильярдистов, которые замолчали, припав к пивным кружкам, и сказал:

– Вот, паразиты, им хоть бы что – уважаю англикосов! Нигде не пропадут. – Арсений снова повернул голову в сторону официантки. – А кроме денег... Где там женщин искать?

– Найдете где-нибудь.

– И где ж это «где-нибудь», Митяй? – поинтересовался Кашкет.

– Да, Бомж, ты ж все знаешь, сам себе жену тут нашел, а нас куда-то «туда» – вот и объясняй!

– Ну, говорят, на Кубе за бутылку колы можно такую мулатку найти, что... – Митяй, не договорил, вздохнул и теперь задумался сам. – В общем, есть места.

– Слышала б тебя жена, Митяй, ты б другие места нам рекомендовал, – резюмировал Кашкет. – Чего болтать, все равно никуда не свалим, будем сидеть вот так, пить и разглагольствовать, пока сорок не стукнет.

К нам снова подошла официантка, окинула любезным, усталым взглядом, спросила, что нам угодно, Арсений почему-то заказал три порции рома.

– Нет, Кашкет, нельзя так больше! Поехали на Ямайку или в Индию!

– Мне лично надоели сотовый телефон, менты, снегоборочные машины и дети возле цирка на Цветном бульваре, которых фотографируют дерганые родственники – я уже, наверное, засветился на тысяче фотографий с детьми разных лет, с надувными шариками и без... Так вот, если этого всего не будет – я готов!

– Чего это в Индию? – удивился Митяй. – Почему не на Кубу? Я ж говорю, там за колу...

Арсений не дал договорить Митяю.

– Недавно к моим родителям приезжала их подруга из Италии, рассказывала, что купила домик в каком-то городишке в Индии, нас звала... Говорит, что подобного нигде не найдешь.

– Ага, хороший выбор! Прекрасный! – вскипятился Митяй. – Там же тотальная жесьть!

– Жесьть тут! – сказал Кашкет и пристально посмотрел на Митяя. – Там, может, и индийская жесьть, но московской я сыт по горло.

– Ну ладно, – согласился Митяй и повернулся к Арсению. – Слушай, братец, а что за домик? В каком городе? С прислугой, уроками камасутры? Все что угодно, лишь бы не к кришнаитам!

– Я знаю не больше твоего, но Карла сказала, что райское местечко!

– Ага, райское! В Индии таких нет!

– Итальянцам я доверяю, Митяй, у них тонкое чувство прекрасного!

– Да там же миллиард индусов! – не унимался Митяй.

– Не индусы, а индийцы! Индус – это приверженец религии, а если говорить о национальности – то индиец! – сказал Кашкет.

– По сути Кашкет прав, но мне все же больше нравится «индусы» – так звучнее! И плевать, сколько их там, главное – уехать!

– Ну, если это случится – я разведусь!

Мы поспорили на митяевский бракоразводный процесс, скрепив спор выпитым ромом.

* * *

Как только я принял твердое решение отправиться куда подальше из Москвы, я испытал облегчение, будто уже отправился в путь, хотя все еще продолжал сидеть в офисе и выполнять работу, которая мне осточертела.

Я предвкушал, что скоро все вокруг меня изменится, станет новым и прекрасным. Чувство опасности только усиливало все остальные. Я знал, что путешествие взбудоражит кровь, встряхнет мозги и чувства, и всего меня.

Я не думал о своей жизни после возвращения, так далеко вперед я не заглядывал, мне просто все надоело в Москве, прежде всего размеренный график жизни по календарю от выходных до выходных, от зарплаты до зарплаты. Дни мелькали, как минуты, а недели как часы, чувство ограниченной свободы просыпалось в субботу, а к вечеру следующего дня виновато удалялось. Будни представлялись обыденно серыми и таяли, не задерживаясь в памяти. Время несло неумолимо вперед, и я уже представлял себя в летах, с пузом и лысиной, лениво плетущимся на работу или в бар, скучным мещанином, не допускающим даже мысли о чем-то необычном. Будучи молодым и полным сил, я не хотел соглашаться с тем, что жизнь, которую я вел в данный момент, мож-

